ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

„Освобождение трудящихся — дело самих трудящихся!"

2 ФЕВРАЛЯ 1919 г.

№ 21.

Цена в Москве 2 р. 50 к.
вне Москвы 2 р. 75 к.

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.
РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА открыта по вторникам и четвергам от 5—7 часов вечера.
ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 27, кв. 51.

М. А. БАКУНИН.

ДУХ РАЗРУШЕНИЯ ЕСТЬ СОЗИДАЮЩИЙ ДУХ

А. Волобуев.

К жизни!

Мы входим в жизнь в свете страстного стремления к новому, счастливому, в момент общего коренного переустройства всего существования человека; мы входим в жизнь в один из тех прекрасных моментов истории, когда общество шлет проклятье старому и в этом отрицании старого творит,—по крайней мере жаждет творить,—новую жизнь.

И поэтому основным вопросом для нас, вступающих в жизнь в момент революции, является вопрос: что даст эта революция нашей жизни, как отразится обещанный ею строй на нашем стремлении к счастью, к свету и к творчеству жизни. Такой вопрос представляется чрезвычайно сложным, и, конечно, мы не пытаемся разрешить его здесь полностью, но схему его решения мы постараемся наметить.

Вся история человечества представляется нам сменой определенных общественных порядков. Два основных фактора определяют эту смену: 1) стремление человека устроить свою (или—в качестве надстройки на этом эгоистическом фундаменте — общую) жизнь возможно лучше и, во-вторых, бунт против существующего порядка во имя устроения этой лучшей жизни. Действительно, возьмем одно звено этой исторической цепи. Существует определенный общественный строй, т.-е. общежитие людей, связанных *во имя общего блага* определенными обязанностями и вытекающими из этих обязанностей правами. Права и обязанности регламентируются законами. Эти законы *во имя общего блага* обуздывают в той или иной степени, в зависимости от исторической фазы рассматриваемого звена, некоторые *вредные* стремления людей и ставят в рамки проявление ими некоторых естественных, врожденных качеств. Но в рамках этого общества постепенно образуется и увеличивается класс людей, у которых существующие законы слишком явно подавляют стремление устроить жизнь возможно лучше. Слишком явно подавляют они естественные, врожденные стремления людей, составляющих этот класс, т.-е. слишком явно регламентируют они их свободу. Происходит бунт, и победивший новый класс уничтожает препятствия к устроению лучшей жизни. Казалось, наступает новая жизнь, новая светлая эра. Но перевертывается еще раз колесо истории, те законы, которые казались верхом совершенства вступают в коллизию с новым классом, стремящимся устроить свою жизнь возможно лучше; опять бунт и снова новый порядок. И только тогда, когда ничто не будет связывать человека в его стремлении к лучшей жизни, когда, предоставленный самому себе, человек сможет, без оглядки на законы и полицейский участок строить свою жизнь так, как он хочет, только тогда, когда исторический процесс подойдет к такому моменту, когда *смогут быть* уничтожены всякие законы, только тогда эта смена порядков и законов, эти бунты и восстания прекратятся.

До тех пор всякий закон,—регламентация хотя бы малейшей стороны жизни человека,—будет неизменно вступать в самую неожиданную коллизию с тем неизменным стремлением человека устроить свою жизнь возможно лучше.

Та революция, которую мы сейчас переживаем, есть одно из исторических звеньев великой цепи освобождения. Это есть бунт во имя устроения лучшей жизни, и, как всякий бунт, он говорит о светлом будущем, он устанавливает такие принципы будущего, которые дадут возможность жить в полном смысле этого слова. И как всякий бунт, происшедший до периода, когда об'ективно сможет произойти общее, абсолютное освобождение, он устанавливает закон этой светлой жизни, он вводит жизнь во имя света в узкие рамки *законного* существования.

И когда утихнет буря, когда испарится революционная энергия, она—эта великая, в своем настоящем, революция,—на место старого, проклинаемого ею порядка, поставит *свой* порядок, предпишет всему живущему свои рецепты жизни; и когда появится новое, невиданное вне усмотрений закона, проявление жизни, он построит тюрьмы и в страстном стремлении к *своим* „тишине и порядку" втиснет в них все из ряда выходящее, все новое, все, не могущее быть осмысленным *ею*. Она создаст новый, исторически необходимый строй тишины и порядка, создаст свою пошлость, пошлость мыслей, слов и движений, но она же породит новое стремление к светлому, юному, к жизни! А затем,—снова бунт и снова шаг по дороге освобождения. И поэтому ответ, на наш взгляд, ясен. Мы приветствуем революцию в ее настоящем. Мы будем бороться, во имя свободы жизни, страстно и гневно бороться с ней в ее будущем.

Но если и этот строй, светлый строй, лозунги которого так зажигают кровь, порождают бунт и страстное стремление к достижению, даст в будущем только новый — шаблон жизни, новое традиционное прозябание, то в чем же жизнь тех, кто страстно жаждет всей полноты, всех нюансов, всей муки и счастья своей жизни. На этот вопрос может быть только один ответ для тех, кто молод. И этот ответ выяснится во всей полноте если мы подойдем к одному явлению нашей жизни, явлению, служащему органическим залогом осуществления в будущем анархии и являющемуся зарницей этой *Ан.* в нашем существовании.

Среди пошлости и мелкого повседневного шаблона, среди с детства впивающегося, связывающего рабства, насилия и растления жизни, подчас случается нечто необ'яснимое для нашего оберегаемого крылами спокойствия и основанной на этом спокойствии психологии. Вспыхивает что то, и одним резким ударом рождающейся бури человек сбрасывает с жизни все путы повседневности, и, на мгновение загорается жизнь его, и счастлив, безмерно счастлив человек, нашедший жизнь свою на мгновение.

И когда на секунду разрушается все невидимо связывающее, когда на секунду не существует ни порядка, ни приличия, ни законов, ни добродетели, тогда действительно живет человек жизнью своей, тогда действительно он в жизни.

Так, человек, жаждущий любви, разбивает законы дозволенного и недозволенного, в печку летит разорванная,—вросшая в душу, но все же вырванная,—пропись любви, и освобожденный творит человек каждый шаг, каждое движенье любви своей.

И так каждое желанье жизни, сильное, безумное непреклонное, рождает бунт, а бунт рождает свободу.

И за секунду рабы существования, мы творим всякий мельчайший оттенок желания своего и творчески счастливы мы, пожившие жизнью своею мгновенье.

Пусть за мгновеньем творчества—часы прозябания; важно то, что жизнь не угасла, важно то, что мы еще живы.

Ведь когда среди мрака и тьмы вспыхивает огонь на мгновенье и гаснет, мы, усталые, смело ломаем ветви и сучья столетнего леса и, окрыленные надеждой, быстро идем к огню, и, редкий за секунду, вспыхивает он все чаще и чаще.

И когда падет лес и ничто не скроет нам огней наших, мы будем жить этими мимолетными огнями, и наша жизнь будет вся в мгновениях.

Но пока лес стоит и лишь слабо, слабо мерцают огни, мы, в творческой погоне за ними, мимолетными, будем ломать ветви и сучья.

И создадутся просветы в черной стене, и чаще, все чаще будут светить огни нашей жизни.

Ибо каждое творческое желание, каждый акт творчества расшатывает здание тишины и порядка, и поэтому каждый момент нашего истинного счастья приближает момент общего великого счастья и бурным ударом своим медленно, но верно срывает с человека цепи.

И поэтому, резюмируя, мы скажем: никакой новый строй, строй, пытающийся создать законы жизни, и как такой, порождающий пошлость, трусость, ябедничество и разврат власти, не даст нам Новой Жизни—вековечной мечты человека. Наша Новая Жизнь, жизнь людей до Анархии—в умении страстно желать жизни. Ибо только страстное минутное желанье рождает страстный минутный бунт и бурю,—и ломается повседневность и вскрывается жизнь во всей ее острой прелести. И тогда жизнь действительно новая и тогда жизнь действительно светлая. И к этой предтечи будущей творческой жизни, к этой бури вдохновенной мечтой и желанием к творчеству жизни, скрытой в прозябании, зовем мы всех тех, кто молод!

Леонид Чиволов.

ВОЛЬНАЯ ТРИБУНА.

ПИРАМИДА ЦВЕТЕНИЙ.

О любви.

Все мы так или иначе—дети любви. Существование человека, никого не любящего,—вопиющая чудовищность, нечто самое безобразное и нелепое, что только можно себе представить. Жизнь без любви—достояние крайне неразвитых и отсталых индивидуумов. Как бы не был мал и ничтожен человек по своей сущности,—он все-таки в один из таких моментов своей жизни, когда каждый задает себе вопрос о смысле жизни, поймет, если не прямо осознает, то осознает интуитивно, что жизнь без любви беззаконна и ненормальна. А ведь у каждого в жизни бывают эти моменты, когда прямо без отклонений ставится такой трудно-разрешимый вопрос, как вопрос все о том же смысле жизни. И правда, что пользы, кажется, было бы в жизнях миллионов людей, до странности похожих друг на друга? Пять, десять, двадцать лет назад предок такого-то индивидуума N кончил такое-то учебное заведение и поступил на такую-то службу. Изо дня в день повторялось одно и то же и в результате все это было ничем иным, как необходимостью поддерживать свой организм. Маленькие трагедии маленьких людей,—о них уже говорить почти не приходится. Вот и все. И его сын, и его внук—то же самое, то же самое. Где же выход из этого проклятого круга? Выход есть. И этот выход то, что я называю предопределенностью. В принципе вещь эта очень простая, а именно: каждой женщине предрешено встретить мужа и каждому мужчине встретить жену. Как известно, число неудачных встреч превышает число встреч удачных; следовательно, простота предопределенности чисто принципиальная. Жизнь каждого и есть его искание, нахождение и совместная жизнь, жизнь уже для кого-то и для чего-то. Как бы ни был мал и незначителен человек, как бы ни были узки и неглубоки волнения его жизни,—существование его оправдывается уже одним тем, что его жизнь не только достояние его одного, но и еще кого-то другого. Все мы в продолжение своей жизни делаем массы повторных, однообразных, никому, кроме нас, ненужных вещей, и люди, более одаренные, более проникновенные, понимают, что должен быть смысл жизни;—неужели же весь смысл их жизни—в самой жизни, то-есть в том, что они едят, пьют, двигаются, говорят, смотрят, спят? Ведь это чисто животная часть нашей жизни, отправления и запросы нашего тела. Конечно, человек уже более оправдан, если в свою жизнь он вносит поклонение искусству или науке, но таких уже не так и много. Большинство только так мельком, „в свободное время", прочитывает две—три книги, [illegible] на выставку, попадает в театре и все. Конечно, место такой жизни можно спокойно пройти мимо, но не надо забывать, что и в этой жизни бьется сердце, бывают бессонные ночи слез и волнений, радости встреч и ожиданий. Как бы не были примитивны и элементарны высочайшие движения человеческой души, как бы не были просты трагедии простых людей,—на них есть печать любви и уже по одному этому мы не должны проходить мимо их жизни. И эти маленькие сердца умеют биться, воспламеняться и истекать кровью. И перед этим надо преклоняться,—в символе самой любви всегда есть доля священного. Влюбленность и любовь всегда вносят в человеческую душу некую опьяненность, окружают ее каким-то ореолом, перед которым меркнут все пошлейшие этапы человеческой жизни. Эта то влюбленность, эта-то любовь как раз и есть то, что оправдывает существование каждого, ибо тогда уже жизнь выходит за черту обыденных неизменных действий, и человеческому духу открывается широкое поле для добра и зла. И если жизнь какого-нибудь N внесла в жизнь и свет, и радость, стало его целью и тем, за что можно умереть, то N оправдан: его жизнь уже не вынужденная закономерность духа природы, а нечто большее, дающее ему возможность раскрыть всю полноту своего сердца, подарить всю вынесенную яркой из жизни доброту. И вот жизнь осмыслена и оправдана, как оправдывается и осмысливается производительность той или иной работы. Но ведь и это не так много, достаточно узко и недалеко ушло от высших животных, у которых тоже своя цель, своя любовь. Нет, в любви надо видеть еще что то. Несомненно, что вся сила во влюбленности, то-есть в искании. Это—фаза человеческой жизни, фаза стремления от низшего к высшему. Пробивается желание красивого, интерес к искусству, так как жажда красивого и творчество в искусстве—несомненно влюбленность. И вот в этот то период человек в силу своих привеллигированных данных поднимается выше уровня физического существования подаренного небом всему существующему. Это время—время выработки своих особых понятий, чувствований и настроений. Человек начинает как бы примерять себя по отношению ко всем остальным, искать своего места в мире. Безусловно степень подобных исканий далеко неодинакова и в результате мало удовлетворительна. но важен сам процесс, пульсирующий жизненный ток, важно то, что что-то просится, выбивается на свет, старается обнять и приблизить. Сама жизнь—предчувствие любви, любви бесконечной, ведущей нас по миру в продолжении всей нашей жизни. Осмеливаюсь сослаться на прелюдию одного цикла моих стихотворений:

Вся жизнь—предчувствие влюбленности.
И в этом смысл и оправданье.
И дышит негой [illegible]
Мое горчайшее страданье.

Отчасти в этом можно усмотреть некоторую парадоксальность, если мы обратимся к земле, в именно допустим, предопределение произошло, два [illegible] ума встретились,—тогда, кажется, уже влюбленность уступает место любви. Но мое понятие о влюбленности несколько иное: влюбленность не преходяща,—она вечна; влюбленность образа в жизни, к которому существуют лишь приближения. Рождение этого образа—искание человеческих страстей, страстей более или менее осмысленных, осознающих в отличие от страстей других высших животных. Обетованное чудо, манящее нас на протяжении всей нашей жизни, чудо, к которому мы стараемся приблизиться, к которому идем с протянутыми руками и часто ослепленные и плененные, не замечая ничего перед собой, попадаем в пропасти и умираем. Конечно, то большинство, все эти N и M в действительности оказываются гораздо осторожнее, что и способствует отведению подобных в категорию большинства. Я думаю, что, несмотря на краткость выраженной мной мысли, стало уже понятным,—что такое любовь в нашей жизни. И жизнь рода, покоющаяся на любви духа жизни, есть ничто иное, как непрерывная любовь целых поколений. Как бы не была кошмарна и обесценена жизнь,—каждый в такие трагичные минуты задумывается над целью и смыслом своего существования и отвечает. „нет, кто то есть, кто дорог мне и кому я дорог". В этом оправданность. Тот, кто любит раз в жизни, не отличается, с одной стороны, нисколько от того, кто любит многократно, так как это только разные пути к одной и той же цели—смыслу жизни.

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь одна.

И далее, как заключительный аккорд этого в высшей степени интересного стихотворения (Зинаиды Гиппиус):

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа—верна;
И любим мы одной любовью...
Любовь—одна, как смерть одна!

И теперь, возвращаясь к вопросу о влюбленности, особенно острому в периоды молодости, я замечу, что этот вопрос играет ответственную роль в нашей жизни. Пора влюбленности—пора напряженнейших слияний с миром. В это время особенно характерна чуткость в ощущении природы, аллегорично напоминающей процессы наших душевных переживаний. Возраст влюбленности—возраст интенсивных цветений, когда особенно нужно много солнца и влаги. Светлое, тонкое, хрупкое растение протягивает к свету слабые листья, и все это зовется жаждой жизни. О, это пора—чаровница, и если Толстой вспоминает с таким восторгом о детстве: „Счастливая, счастливая, невозвратная пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?",—то молодость прекрасна в ласкающих воспоминаниях, смешанных с такой грустью. Так знайте же, что влюбленность, это—не только влечение пола, но самая богатая интенсивная жизнь обусловливается ею. И опять повторяю, как бы не был мал человек, он строит чертог своей души и ждет кого-то, предопределенного ему судьбой, кто войдет в его чертог и оправдает смысл и цель его творчества. И поэтому-то надо с особенной осторожностью относиться к молодости, кладущей фундамент чертога. А ведь как легко могут войти с грязной мыслью, грубым словом, резким движением, и там, где мог бы возвыситься чертог красоты, нагромождается уродливое здание [illegible] звериной человече-

ческой похоти. И как не был обезображен и искривлен криком боли лик человеческой жизни,—влюбленность—ариаднина нить, с которой мы проходим по узким и удушливым путям нашего бытия. И все мы рыцари,—совершаем большие и маленькие подвиги в поисках голубой розы любви. Зачастую эти рыцари напоминают шаржи и подвиги их малогеровчны, но у каждого в конечности его достижений застынет на сердце капля крови, и эта капля будет самой дорогой, самой священной—капля терний голубой розы. Все остальное—извечное повторение во имя духа природы, и если кто-нибудь думает, что им дана высшая власть, тот—упомянутый каррикатурный рыцарь и ему не добыть голубой розы,—нет, не добыть. Мы все должны пронести себя на щите своего сердца, а все остальное—условности, все остальное—ничто.

Анатолий Вашков.

Зимой.

В вихре пыли снежно-жгучей
вихрем вейся, мысль моя,
с песней сильной, с песней лучшей
пронесись, мир очертя.

Мчись бескрылое виденье,
разлетайся в сети искр,
пробуди в крови движенье
мириадом белых брызг.

Эх, несись, мой конь могучий,
дух, чтоб с лета омертвел,
чтобы вместе с нежной тучей
с ее песнью он летел.

Голова, кружись в буране,
в зимнем пламени гори,
в диком страшном океане
злой метели поплыви.

Бейся в жилах, кровь лихая,
жизнь движеньем украшай,
в тихих светлых рощах рая
снежных бурь не ожидай.

Перепейся наслажденьем,
сердце, в пляске вихревой,
зимним пользуйся мгновеньем,
в мглистой тьме пируй и пой.

Серебритесь снега волны,
светом звезд играйте все;
эй, неситесь, вьюги челны,
в даль простор везде, везде.

Т.

„Моя родина."
Рис. А. Дрекслера.

Из одной тетради.

Рассказ Веры Шуевой-Черных.

. . . .

Весна... Вот она—пышная красавица, яркая, мощная, властно зовущая за собою...

Эта весна—первая в моей юности...

Эта весна—самый великий и торжественный праздник в моей жизни.

Праздник, овеянный теплым ветерком золотых сновидений Юности, обрызганный росою жемчужных слез Радости, окруженный ореолом лучей жгучего поцелуя народившейся Любви, утопающий в зареве заката задушевных бесед Дружбы, окутанный темносиним, усеянным золотыми звездами, покрывалом волшебных грез Счастья.

Праздник, наполненный душистым ароматов цветов и хвалебными гимнами птиц в честь богини Югенты...

. . . .

Теплое, весеннее солнышко как бы с любопытством заглянуло в окно нашей рабочей душной комнаты, наполненной синими облаками табачного дыма. Пыльные груды книг, лежащих по углам, стаканы с невыпитым крепким чаем и усталые бледные лица находившихся в комнате людей не понравились ему, и, скользнув своими теплыми лучами по моей руке, оно оставило нас одних в мире чернил, балансов, отчетов...

Я в пятый раз принялась за итоги, и опять они не сошлись... Голова болела от несмолкаемого треска пишущих машин, от духоты; хотелось на воздух, к тому солнышку, которое только что заглядывало сюда.

Как долго тянется время сегодня! Еще целый час перед моими глазами будут мелькать эти бесконечные ряды строгих цифр...

Я отрываюсь глазами от бумаг и смотрю в окно: невесело и там... Двор—коробочкой, высокие каменные дома, асфальт, зелени ни малейшего признака... Где то стонет шарманка...

Душно! Хочется на волю, в лес! Подальше от пыльной, нудной городской жизни... Она невыносимою становится в летнее время... А впереди еще целый месяц до от'езда на юг!..

Еще несколько душных дней в рабочей комнате, последние приготовления к великому дню, при воспоминании о котором сердце мое начинает стучать сильнее, сборы в дорогу, и я уеду вместе с ним... с моим Борисом на его родину...

Улыбка счастья озаряет мое лицо.

Я уеду от мамы, сестер, в кругу которых протекли мои восемнадцать лет, но мне не больно расставаться с ними... Со мною будет он... мой Борис, моя жизнь, моя радость. Он—все для меня, он—цель моей жизни... О том, как велико мое чувство к нему, знает только он...

Пять лет прошло со дня нашей первой встречи... Тогда мы были еще детьми. Дружба наша росла с каждым днем, а потом явилось и нежное, властное, горячее чувство. Родители благословили нас и вот... еще только один месяц..

Мысленно в данную минуту я далека от итогов... Перед моими глазами в дымке грез о будущем стоит высокая, стройная фигура с загорелым, мужественным, худощавым лицом. Светло-голубые глаза, гордый рот, удлиненный подбородок и шапка каштановых волос — так дороги мне!..

Борис! Мой единственный! Ты для меня дороже жизни... Ты—все!..

Уже четыре. Скорее к нему! Убираю в стол свои книги, бумаги, наскоро прощаюсь со всеми, и через несколько мгновений я уже на улице.

Вижу мальчика с фиалками,—подбегаю к нему... Выбираю у него большой букет и, заплатив за него, почти бегом бросаюсь по знакомой улице...

Народу много... Меня толкают. Нечаянно толкаю и я. Слышу замечания почтенных, пожилых дам, шутки молодежи... Сбегаю на мостовую,—здесь свободнее... Скоро, скоро!.. Вот и большой дом, где живет он... Вбегаю... У лестницы меня останавливает швейцар — добрый, старенький—и, улыбаясь, говорит мне: „их еще нет, обождите, скоро приедут"... В этом доме меня знают все... все улыбаются мне..

Подымаюсь по лестнице, уже не тороплюсь... Его еще нет,—очевидно, опоздал. Открываю дверь, вхожу в его комнату, сбрасываю с себя пальто, шляпу и открываю окно... Наливаю в вазу воды и опускаю туда фиалки.. Затем сажусь в глубокое кресло... Я буду ждать.

Оглядываюсь кругом... Как все знакомо и дорого мне здесь!.. Сколько дивных часов прошло в этой уютной комнате... На тумбочке, возле кровати, стоит мой портрет... А рядом на столе—книги, журналы, газеты...

Мои фиалки тоже ждут Бориса... Но что же его так долго нет?.. Ведь по времени он уже должен быть здесь... Он знает, что я приду к нему... Вечером сегодня мы поедем с ним в первый раз в этом году в наш „храм"... Так называем мы небольшую липовую рощу, что за городом...

Шаги в корридоре... Мимо... Не он...

Протягиваю руку к столу, беру его папку, в которой у него лежат этюды задуманных им картин, и, раскрыв ее, нахожу лист почтовой бумаги, весь исписанный крупным, неровным почерком... Я знаю, что это письмо от одной девушки, с которой Борис не так давно познакомил меня. Она теперь в другом городе и оттуда изредка пишет Борису на мой адрес; я тоже иногда читаю ее письма... Но вот уже недели три, как от нее перестали получаться письма. Я спрашивала Бориса о ней; он же об'яснял это тем, что сам перестал писать ей.

А это письмо... Беру. Борис всегда говорит, что тайн у нас не должно быть. В глаза бросается число прошлой недели... А вслед за этим листом еще один, еще и еще... Все они получены на-днях... На мой адрес писем ему не было; значит, он получил их по своему адресу... А ведь говорил, что она не пишет...

Лгал? Борис—мне? Нет! Но что могло

заставить его скрыть от меня ея письма, перевести переписку на другой адрес?..

— Борис! Зачем?..

Сердце заныло, в висках застучало... Какая-то сила заставляет прочесть эти письма... Я борюсь с собой,—знаю, что это нехорошо,—но безуспешно. И несколько минут спустя, прочитав их, в глубине моей души что-то скрипнуло, застонало... Я упала на подушки его постели.

Все рухнуло...

— Борис! Зачем ты называл наше чувство необыкновенным? Зачем так жестоко поругал наше святое, идейное? Как мог ты прямо смотреть в мои глаза, подходить ко мне, касаться меня в то время, когда между нами лежала глубокая пропасть лжи и обмана?..

— Ты лгал...Лгал много-много дней...Зачем? Мы вместе строили наше будущее.., Наше, Борис, наше... Оно улыбалось нам. и вот... ты сам, ты разбил его... Ты не берег его. А все то, что ты говорил? Все наши общие грезы, наши мечты? Где же они?

— А эльф? А наш будущий малютка-Борька, который должен спаять нас еще больше, еще сильнее? Его не будет теперь.

— Уйти! Уйти скорее и навсегда!

— Никогда больше не возвращаться в эту уютную комнатку, никогда больше не испытывать мучительного, но радостного ожидания и внутреннего трепета при приближении его...

— Его? Бориса? Нет! Бориса больше нет! Он был, но ушел из моей жизни...

— Ну скорее же, скорей! Что же я? Почему я не могу подняться с подушек? Почему мысли путаются, обрываются?..

— Уйти! Навсегда!

Уйти от Бориса? Но это будет для меня равносильно смерти!.. Уйти от него,—значит уйти из жизни...

— Почему обязательно уйти?..Мысли не вяжутся... Ах, да, да! Борис...мой чистый Борис ..Нет! Я дождусь его...спрошу...Я не верю! Не верю в то, что...Нет! Это—бред, фантазия!..

— Я не уйду...не могу уйти...нет сил...

— Где же он? Надо скорее спросить его... Ведь не может же быть...

Снова мой взгляд скользит по неровным строкам разбросанных предо мною писем. Руки дрожат, в глазах рябит.

„Я жду зимы...она принесет нам дитя... Ты ведь оно наше, понимаешь,—наше... Ты будешь знать о нем, будешь принадлежать ему, но никогда не увидишь его... Где ты?.. Я тоскую о тебе... хочу видеть тебя"...

Дальше я не могу читать. Чувствую: еще одна минута,—и я упаду...

— Фиалки! Нежные, чистые, красивые... Зачем я принесла вас? Вам место только у радости, у счастья, у искренности...

— А здесь?..

Слышу шаги...его шаги...

Вздрагиваю, а он, как всегда, радостный и веселый появляется на пороге... Сбрасывает пальто, что-то говорит, но я ничего не слышу. Под ногами у меня все кружится... Стены комнаты словно бегают. Он подходит ко мне...Вот-вот дотронется...

— Нет, не могу!..Подожди, Борис!

А он не замечает и, как всегда, торопясь, говорит:

— Прости, опоздал...заработался, а тут еще эти несносные трамваи...Но что же ты? Что с тобою? Ты нездорова?

Я молчу...смотрю, не отрываясь, в его всегда выразительные глаза...

Нет! Лгать они не могут...Это—ошибка. Но что же с ним? Он вспыхнул, закрыл лицо руками.

Он увидал письма...

Проходит минута... Она такая мучительная... Мне кажется, что я пережила вечность...

— Борис!—говорю я и не узнаю своего голоса.—Я прочитала... Зачем ты лгал?..

Борис заговорил не сразу:

— Я не буду оправдываться... Я не имею права смотреть тебе в глаза...

— Нет, говори!—почти требую я, а сама страшно боюсь того, что он заговорит...

— То был порыв... Тебя не было. Я был одинок, а с нею я встречался ежедневно. Мы вместе гуляли, читали книги. Иногда она подолгу молча смотрела в мои глаза... Она как бы звала меня куда то, манила. Я старался отмахнуться от пристального взгляда, но напрасно. И она взяла меня... Я мучился после этого, мучаюсь и теперь. Тебе не говорил, потому что щадил... Я знал, что это разобьет твою любовь. А она нужна мне, нужна ты... Ведь я люблю только тебя!.. Ты в праве отойти от меня, а я... останусь один. Та... нелюбимая. То был порыв... Будет ребенок, но она не отдаст мне его... Порыв тот тогда же остыл... А если я и она не порывали своих отношений, то только потому, что мы оба любили будущего ребенка... Я люблю тебя... Я не допускаю мысли, что что-нибудь разобьет наше будущее... Я и сейчас так сильно верю в него...

Борис замолчал... Голова его склонилась...

Он закрыл лицо руками... Плечи его начали вздрагивать...

Он плачет... Мой сильный, гордый Борис рыдает? Ему больно, тяжело?

А что же со мною? Почему сердце так знакомо забилось, почему слезы опять навернулись, но уже не те?.. Чувствую, как в груди у меня что-то копится, постепенно превращаясь в большое и сильное, которое должно решить все... решить жизнь...

— Боря!—срывается у меня,—Боря! Я не уйду от тебя! Я не могу уйти!.. Ведь я люблю тебя!..

Беру его голову, хочу притянуть к себе, но он не дает... Мои руки обжигают его горячие слезы... Он припадает к моим коленям... Рыдания усиливаются... Я даю ему выплакаться. Нервы его все время были натянуты... Они не выдержали...

Сейчас он—слабый, я—сильная...

Рыдания стихли... Вот он целует мои руки... Я глажу его волосы—мои волосы...

— Ты презираешь меня?—слышу я.

— Нет, Борис! Посмотри на меня!.. Я тебя поняла. А раз поняла,—значит... Ах, Борис, как я счастлива! Как сильно я люблю тебя! Ты уходил от меня, но вернулся.. Ты—мой... Я не могу уйти от тебя,—ведь все мое в тебе... Тебе я отдала все... У меня своего нет ничего... Как же я могу жить без тебя? Если бы ты и надолго ушел от меня и вернулся бы больной, оборванный, я осталась бы с тобою... Так сделает каждый, кто любит. А я люблю... Боря, понимаешь, люблю!.. А ребенок... от той... если будет тебе возможность взглянуть на него, мы поедем вместе...

— У меня нет слов,—прошептал Борис,—что должен я сделать?..

— Беречь наше счастье, не создавать тайн.

— Их больше нет и не будет... Я переродился сейчас и своим перерождением я обязан тебе... Как мне легко!..

— Легко и мне... За эти несколько часов мы пережили трагедию и поняли, как сильно любим друг друга... Теперь больше никто и ничто не раз'еденит нас... Я счастлива! Вот каким пришло ко мне счастье...

Мы просидели вдвоем весь вечер, забыв обо всем и обо всех... Когда, проводив меня до под'езда моего дома, Борис прощался со мной, я шепнула ему:

— Поцелуй от меня фиалки,—те, что я оставила у тебя...

Вера Шуева-Черных.

Реформа школ и эсперанто.

В связи с общим переустройством жизни, в связи с новыми потребностями и необходимостями, в связи с новыми понятиями и стремлениями, реформа всей системы воспитания нового поколения становится на первый план всеобщего переустройства и, прежде всего, выставляет непосредственно с собою связанную реформу школы—начальной, средней и высшей.

Новая школа должна выработать истинного гражданина, образованного, знающего и работоспособного человека. Она должна, наконец, сделать все то, что являлось ея прямою обязанностью, до сих пор еще ни в чем ею не оправданною.

И наибольшее внимание необходимо обратить на играющую особо важную роль в воспитании юношества среднюю школу.

Нужно изменить не только систему преподавания, но и, главным образом, выработать новую программу преподаваемого. Нужно выпустить устаревшие и вообще ненужные предметы, нужно усилить и увеличить за их счет некоторые, имевшие большое значение, но не пользовавшиеся особенным вниманием и, наконец, нужно включить в программу новые.

Международность всей нашей жизни, выставившая на смену былой национальной разобщенности мировую культуру и универсальный прогресс всего человечества и являющаяся первостепенной особенностью нашей эпохи, давно сделала очевидно для всех необходимость знать иностранные языки, как единственное средство сношения с иностранцами, а, следовательно, и незаменимый залог истинной интеллигентности.

Поэтому в нашей средней школе преподавание чужих языков ставится на первое место в ущерб всем остальным предметам,—и это и есть самый больной вопрос реформы школы.

А вместе с тем всем известно, что даже преподавание в минимуме 2—3 языков фактически не достигает своей цели: минуя все недостатки системы, надобно заметить, что чрезвычайная трудность этих языков самих по себе, несмотря на долголетнее изучение, мешает приобрести настоящее их знание и на практике никакой пользы не приносит.

Таковы факты, настоятельно требующие коренного пересмотра этого важного, но до сих пор еще не выясненного вопроса, несмотря на то, что его разрешение напрашивается само собой.

Вот оно:

Уничтожить обязательное преподавание иностранных языков, сведя их к изучению сравнительной филологии; за их счет увеличить остальную программу и, кроме того, ввести в число обязательных предметов всеобщий международный язык Эсперанто, уже давно пред'являющий на это свои права.

Неотложное выполнение этой меры явилось бы самым рациональным и современным решением, имеющим при том громадное мировое значение, т. к. оно закрепило бы почти нескольких штатов С. Америки, нескольких департаментов Франции и целого ряда отдельных городов Бразилии, Англии, Испании и других стран, уже давно установивших у себя преподавание языка Эсперанто, и повлекло бы за собой немедленное его принятие всем остальным миром.

Международный язык Эсперанто, изобретенный, как известно, доктором Заменгофом в 1887 году, в настоящее время настолько сильно распространен, что нет страны, где бы вы не могли найти эсперантистов, даже в Персии, Японии и в Китае, на Новой Зеландии, Мадагаскаре и Фиджи.

Вы можете совершить кругосветное путешествие, не пользуясь никаким другим языком, как только Эсперанто, везде встречая помощь и указания со стороны местных эсперантистов.

Наконец, зная Эсперанто, вы можете просто переписываться по интересующим вас вопросам с лицами самых разнообразных национальностей от голландца до китайца включительно, и таким образом непосредственно приобретать все нужные вам сведения.

О значении всеми признанного международного языка для всемирной культуры и науки говорить совершенно не приходится, и нет никакого основания утверждать, что Эсперанто не годится для этой великой роли, ибо, с одной стороны, ни один национальный, но лишь абсолютно нейтральный язык может быть международным, и с другой — язык Эсперанто в продолжение своего 30-ти летнего существования был испробован решительно во всех областях науки литературы и жизни, и обнаружил при этом не только свою полную пригодность и безусловное превосходство над так называемыми „живыми" языками.

Но, признавая самодовлеющее всемирное значение международного языка, нельзя закрывать глаза и на его нравственное и педагогическое значение, из которых первое заключается в восприятии учащимися в противовес шовинистически замкнутой атмосфере старой школы, более широких горизонтов, мирового культурного стремления и понимания общности всего человечества. Что же касается второго, — то педагогическое значение Эсперанто обусловливается простой и логической структурой грамматики и стиля этого языка, способствующей вообще закреплению принципа логики и в особенности облегчающей изучение других языков и главным образом своего собственного, т. к. утверждение, что международный язык стремится вытеснить все другие языки, абсолютно ни на чем не обосновано.

Теперь лишь профан может отрицать язык Эсперанто, и мы, учащиеся, должны особенно его отстаивать, так как он может дать нам все, чего нам не дадут никакие другие языки, так как он знаменует нам новый мир и новую жизнь.

И если школа не даст нам знания международного языка, этого единственного фактора будущей жизни, мы его сами получим вне ее.

Н. Некрасов.

„Электрик-любитель".

Гигантские шаги, сделанные электротехникой последнее время, ее смелые завоевания в промышленности, невольно занимают умы культивированных жителей всего мира и заставляют благоговейно обратить взоры на эту таинственную, неслыханную силу. Будучи еще юнцом, я часто задавал себе вопросы: к чему направить, на что посвятить свою жизнь. Для меня казалась слишком жалкой обыденная жизнь большинства людей, их неослабевающее стремление к наживе, жажда собственных развлечений и полное равнодушие к ближнему. Лишь громадный переворот в моем душевном состоянии вызвала наука об электричестве, и только для нее одной я поклялся всю жизнь работать, только на нее обратить все свои помыслы и стремления. Вы спросите, — почему? Чем эта сила могла на вас повлиять? И я, не колеблясь, укажу вам на те невиданные применения электричества в повседневной жизни человека, на ту высокую производительность, с которыми оно бесцеремонно вторглось в быт жителей Нового и Старого света, став главным неустанным помощником. Я утверждаю, что электротехнике предстоит блестящее будущее, только ей принадлежит впоследствии, неограниченная власть, и, на мой взгляд, всякий человек должен оценить ее полезное значение и всячески способствовать ей в собственном развитии. И вот, раз я пренебрег всеми благами жизни ради этой науки, то первым своим долгом счел детально ознакомиться и выяснить, что, собственно, представляет из себя электрический ток?

СТАТИЧЕСКОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

Зная тот неоспоримый факт, что электрическая энергия в скрытом виде находится везде и что для ее проявления необходимо какое-либо внешнее возмущение, я на этой, именно, задаче и сосредоточил свои первые шаги. Для начального оборудования своей лаборатории я сделал великолепно действующий электрофор, т.-е. возбудитель и собиратель атмосферного электричества.

Необходимо приобрести глиняное блюдечко из-под цветочного горшка или фарфоровое или вообще что-нибудь в этом роде и залить его до самых краев следующим составом:

1 весовая часть шеллака в кристаллах
$^1/_5$ „ „ терпентина (скипидара),
$^1/_5$ „ „ белого воска.

Несколько слов о самом приготовлении состава: растопив воск и влив в него терпентин, тщательно перемешивают всю эту смесь какой-либо металлической или стеклянной палочкой. Сделав это всыпают в смесь чайную ложку шеллака и лишь после того как последний растворится, всыпают новую такую же порцию шеллака и т. д. Залитое блюдечко ставят в прохладное место, где состав и затвердевает. Далее из полудюймовой доски выпиливают ровный круг диаметром на два сантиметра меньше диаметра окружности блюдечка, гладко шлифуют его с помощью стеклянной бумаги и обклеивают со всех сторон тонким станиолем (оловянной бумагой). Обклейку рекомендую производить „Канадским бальзамом", который устраняет образование складок. После этого до половины толщины круга высверливают углубление, потом берут небольшую стеклянную палочку и обмазывают один конец ее сургучем. Пока последний не остыл, быстро вставляют палочку в углубление круга. Таким образом палочка принимает перпендикулярное положение по отношению к поверхности круга и долженствует изображать изоляционную ручку. Все части электрофора готовы. Теперь приступим к его зарядке и подробно остановимся на процессе общего действия. Возьмите кошачий мех и несколько раз ударьте им по поверхности отвердевшей массы глиняного блюдечка или за неимением такого меха сильно натирайте смесь в течение нескольких минут суконкой или шелком. Когда это сделаете, сейчас же положите деревянный круг, держа его за стеклянную палочку, на блюдечко.

Что же получается? Вы ударили по блюдечку кошачьим мехом и, сами того незамечая, произвели колоссальную воздушную катастрофу.

Действительно, вдумайтесь и проследите то, что вы совершили: миллиарды микроскопических частиц воздуха внезапно приходят в стремительное движение, происходит громадное давление и трение частиц между собой и, вследствие этого, они статизируются. Так как самое сильное давление всех частиц совершается на поверхности находящейся в глиняном блюдечке массы, то последняя воспринимает заряды от всего неисчислимого количества частиц воздуха, и ее абсолютная непроводимость и отсутствие влаги дают ей возможность задерживать энергию и не позволять утекать в землю. Для того, чтобы заряды не могли рассеяться в воздух, вы прикрываете блюдечко деревянным станиолевым кругом

Оказавшись в поле электростатических скоплений, нижняя плоскость круга от влияния заряжается противоположным электричеством; верхняя же плоскость, в свою очередь, от влияния нижней, воспринимает заряд противоположный последней. Пока еще круг лежит на блюдечке, вы дотрагиваетесь пальцем до верхней его плоскости, дабы отвести имеющуюся на ней энергию в землю. Теперь вы поднимаете круг и приближаете к его грани палец на расстояние в один сантиметр. Происходит разряд в землю через ваше тело, и вы заметите, как между вашим пальцем и кругом промелькнет с характерным треском искра. Поставив опять круг на блюдечко и повторив ту же манипуляцию, вы получите еще искру и так до тех пор, пока не истощится запас энергии на блюдечке. Опыты происходят удачно, если части электрофора и окружающий воздух достаточно сухи; в противном случае проводящий ток влажный состав воздуха будет способствовать истечению (рассеиванию) зарядов энергии. С интересными опытами, которые я совершал вышеописанным электрофором, вы подробно ознакомитесь в следующей статье.

П. Савандер.

Против Бога.

(Атеистические псалмы).

Псалом первый.

Мы в этот вечер спорили с тобой о Боге
И не могли друг-друга убедить,
Что вам, его рабам смиренным и убогим,
Могилу вырыл век... жизнь запретила жить;

Что вам, рабам его, вам — ненавистен гений,
Что ваш удел иконы и киот
И тот вам враг, кто храмовых ступеней
В дни звона и молитв, крестяся, лбом не бьет;

Что вам, невольникам, носящим цепи веры,
Пуглив и жуток новый красный век,
Когда на смену будням тусклым, серым
Пришел великий, вольный человек...

Пришел с заветами безбожья и безверья,
И „Марсельезой" звон церковный заглушил,
Разрушил скит, обители и кельи,
Где схимник, как паук, обманывал и жил...

Он сжег монастыри, как символ царства гнета,
Построил храм Труда на месте алтаря,
Сказал, что нет для вольного народа
Владык небес — богов, владык земли — царя!

Разрушил паперти — притоны, гнезда
нищих,
Все уповающих, что им ваш Бог подаст,
И накормил народ он новой честной пищей
Взамен святых даров и им подобных яств..

И вот теперь, когда народ ступеней
Не бьет челом у Божьих алтарей,
Когда разбиты цепи поколений,—
Что делает теперь ваш Бог, ваш „Царь-
Царей“?

Молчит... Молчит, как идол предка,
Народ прозрел! Лишь сотня черных рис
Теперь гудит иное старинный редко
Там, где стоит пустой иконостас...

Нет праздников, неслышно больше звона,
Того, что раньше волю усыплял,
И нет того, кто после служб с амвона
К „смиренью“ „люд крещеный“ призывал.

Довольно! Нет попеб! Пряма наша дорога!
А вам, рабам,—могила в алтаре,
Где вашего обманчивого Бога
Вчера с иконами сожгли мы на костре!

Александр Уранский.

Спорт.

Тяжелая атлетика и фехтование.

Первенство московской средней школы.

Состязание на первенство средней школы 2-й ступени гор. Москвы по тяжелой атлетике и фехтованию устраиваются в 6-ти дневный срок, начиная с 1-го по 6-е февраля, в зимнем помещении Замоскворецкого Клуба Спорта—Моск. торг. школа имени бр. Солодовниковых, Щипок, д. 4.

Состязания распределяются в следующем порядке:

1) 1-го и 2-го февраля в 6 час. в.—по гирям;
2) 3-го февраля—по французской борьбе;
3) 4-го февраля—по боксу;
4) 5-го февраля—по фехтованию;
5) 6-го февраля—финальный день и раздача призов.

Запись участников будет производиться перед началом состязаний в помещении З. К. С.

Просят гиревиков, борцов и боксеров предварительно точно взвешиваться и перед началом состязаний об'явить судьям свой точный вес без костюма, а также убедительно просят запастись удостоверениями из школы.

ХРОНИКА.

МОСКВА.

Международный язык и учащаяся молодежь

(От нашего специального корреспондента).

19—I в „Доме Эсперанто“ (Арбат, Сивцев-Вражек, 42) состоялся доклад известного эсперантиста, члена Международной Эсперантской Академии и Лингвистического Комитета, тов. Н. П. Евстифеева на тему: „Эсперанто и учащаяся молодежь“.

В своем докладе оратор приветствовал народную Советскую Власть, так радикально решившую вопрос о преподавании иностранных языков. Русский 1918—19 Академический год будет знаменателен в школьной жизни всего земного шара: впервые он проходит совершенно без преподавания иностранных языков.

С чувством радостного и глубокого облегчения вздохнула русская молодежь: не будет более бессмысленной зубрежки трудных грамматик! Не будет разочарований в своих силах! Оставшееся свободное время молодежь потратит на изучение своего родного языка (что до сих пор было в загоне), на самоусовершенствование и на приобретение трудовых навыков.

Но—замечает оратор—как бы радость эта не была преждевременной: не успело пройти несколько месяцев, как вопрос о изучении иностранных языков снова возбуждается в Комиссариате Народного Просвещения. Хотя вопрос о введении международного языка Эсперанто и будет решаться в Комиссариате, но есть опасение, что он будет отвергнут.

Берегись молодежь!—восклицает докладчик. Опять куются для тебя кандалы! Образовавшаяся при Комис. Нар. Просв. Комиссия по иностранным языкам проектирует снова ввести преподавание иностранных языков. В протоколе заседаний этой комиссии говорится следующее: предполагается, что преподавание иностранных языков будет происходить в 2-й ступени в течение 4-х лет по 5 часов в неделю. Цель изучения сводится к тому, чтобы учащиеся могли свободно читать *популярно научные* и *исторические* (курсив мой. Г. Р.) книжки (!!) Как будто бы для чтения популярно-научных книжек надо изучать иностранные языки! Или мало у нас есть на русском языке таких книг, или, наконец, не целесообразнее ли было бы перевести такие книжки на русский язык? Ведь прямо же непростительно отнимать у молодежи столько времени для такой цели.

Мы вполне понимаем некоторых работников Нар. Комис. Просв., говорящих: „помилуйте, товарищи, в настоящее время, когда необходимость интернационального общения так сильно чувствуется, вы хотите отгородить Россию китайской стеной от всего света“. Однако, мы считаем, что для этого вовсе не нужно тратить лучшие годы своей жизни на бесполезное (школьное обучение языков всегда бесполезно) изучение иностранных языков.

Как эсперантисты, использовавшие эсперанто во всех отраслях международных сношений, мы заявляем: теперь более, чем когда-либо своевременно ввести международный, вспомогательный язык Эсперанто в школы; результаты не заставят себя ждать.

Язык Эсперанто с раннего детства приучит молодежь к интернациональному братскому единению с молодежью всего света, укрепит в ней сознание общих интересов молодежи. Наконец, он окончательно раскрепостит молодежь и откроет ей дорогу к счастливой солнечной жизни.

Присутствовавшая молодежь громкими аплодисментами покрыла последние слова тов. Н. П. Евстифеева. *Григорий Розенблат.*

ЯРОСЛАВЛЬ. Ярославль начинает понемногу оправляться после июльской встряски.

Особое внимание обращает на себя сейчас пьеса тов. Пантина „Красногвардейцы“, шедшая на многих сценах города и на днях поставленная в советском, имени Волкова, театре. Пьеса, несмотря на некоторые недостатки в компановке и психологической разработке действующих лиц, указывающие на первые шаги автора в этом направлении, является яркой картиной ярославских событий в июле прошлого года. Характерной чертой пьесы надо указать свежесть ее красок и непосредственность передачи, проявляющиеся в жизненности слов и действий выводимых типов, что надо приписать непосредственному участию автора в описываемых событиях и близкому знакомству с выводимой средой. Все сценки зарисованы с натуры.

Пьеса имеет, несомненно, важное значение, как первый шаг от плохих „пролетарских“ стишков и пустых политических статей к серьезному, красочному творчеству пролетариата.

А. Острецов.

Харьков, 22—1. Здесь организовалось общекавказское студенческое бюро поставившее своей целью беспощадную борьбу со всеми элементами, строящими свое господство на самоистреблении трудящихся классов. Бюро выпустило воззвание, в котором обращается ко всему студенчеству с призывом на борьбу с шовинизмом. Адрес бюро: Харьков Чернышевская, 5.

Харьков, 22—1. Исполнительный Комитет Совета ученических делегатов Харькова предполагает выпустить газету „Вольная мысль“.

Жизнь деревенской молодежи.

Деревня Починок, Нижегородской губернии.

Письмо 2-ое.

Жизнь нашей деревенской молодежи, прежде полная угнетенья и невежества, начинает понемногу раскрепощаться. В прежнее время молодой товарищ должен был весь день работать и даже в праздники он не мог почитать книгу, кстати сказать, и не было; чуть только сядет за книгу, как уже его домашние начинают называть дармоедом, бездельником и т. под. эпитетами. Вся жизнь его была под гнетом семейного гнета и невежества. В то же время читать книгу было нельзя, а можно было хулиганить, ходить по ночам с гармошкой, с пением похабных песен, тревожа и пугая сон деревенского обитателя. Хождение по ночам с песнями—это и теперь искореняется очень трудно. Теперь же к услугам молодого товарища, желающего почитать, у нас имеется библиотека-читальня. Деревенская молодежь очень восприимчива к новым идеям. Когда мы стали устраивать спектакли, то оказалось поразительное множество товарищей, желающих играть на нем. Многие очень обижались, что им не пришлось играть на спектакле. Работать в деревне это—не то, что среди городской молодежи. Здесь вся жизнь находится под влиянием различных понятий и предрассудков. Здесь каждую неделю какой-нибудь праздник: то Николы, то Ивана Предтечи и т. под. Молодежь в деревне—в зависимости от своих отцов. Молодежь в деревне не принимает никакого участия в строительстве новой жизни. Но не подумайте, что у ней нет желания или порыва. Просто,—не принято здесь. Когда мы организовали здесь культурно просветительные развлечения, масса молодежи стала посещать их, но более старших возрастов не было никого. Анархизм среди деревенской молодежи найдет все-таки некоторое распространение. Об анархизме здесь знали только по наслышке, что есть, дескать, какие-то люди, которые хотят все старые порядки уничтожить,—этим и исчерпывался весь запас знания деревни об анархизме. Я стал распространять среди деревенской молодежи „Жизнь и Творчество Русской Молодежи“. И теперь уже здесь имеется много читателей его; был интересный случай у меня при распространении журнала. Дал я его почитать одному молодому товарищу, закоренелому буржую. Через некоторое время он приносит его обратно: „Папаня, говорит, бранится, что за какие-то бумажки ты платишь чорт знает сколько“. Посмотрите,—а этому дураку 18 лет. Только в буржуазной среде могут вырасти такие люди, которые в 18 лет не имеют своего мнения. Я обратил его внимание на эксплоатацию его отцом. „Ведь посмотри, как тебя твой отец эксплоатирует: заставляет тебя работать, а деньги берет себе. И ты не имеешь собственного рубля, чтобы заплатить за журнал“. Много я усилий употребил, чтобы его освободить от невежества отца, но ничего не смогло. Этот человек окончательно погряз в буржуазной тине. В деревне существует еще до сих пор один вид эксплоатации молодежи отцами. Был такой случай: разговорился я с одним товарищем и он начинает говорить: „Вы, говорит, хотите поссорить отцов с детьми. Остерегайтесь этого“. Я говорю: „Так, значит, надо оставить молодежь на растерзание невежества отцов? Как же не ссорить отцов с детьми?“ Нет, старое поколение должно уйти и дать дорогу молодежи. Молодежь в деревне просыпается. Октябрь деревенской молодежи—близок.

На-днях у нас состоялся литературный вечер. Ставили пьеску, затем декламация и пение. Вечера подобного типа проходят у нас очень удачно.

В гораздо более благоприятных условиях поставлена молодежь в с. Юрине. В предыдущем письме я писал, что, кажется, в Юрине преорганизовался кружок молодежи. Старый кружок закрылся и организовался новый Кружок Социалистической молодежи во главе с деятельными товарищами-коммунистами из местной ячейки. Кружок начинает успешно работать. В настоящее время там имеется до 50 членов. Массу кружка составляет учащаяся молодежь из местной школы II ступени и служащая молодежь. Целью своей кружок поставил защиту политических прав молодежи и распространение среди молодежи социализма. Да здравствует раскрепощение деревенской молодежи! *П. Кузнецов.*

Село Починок. Нижегород. губ.

Сил среди нашей молодежи много, только горе в том, что нет литературы. Стремления к свету и знанию есть. На святках нашим союзом устраивались вечера и беседы; было сплошное веселье; приглашали взрослых. Работа союза налаживается, но все же есть и среди членов правления неподходящие лица; так, напр., библиотекарь, давая двум—трем своим приятелям книги, четвертому не давал, мотивируя это тем, что первые—члены правления, а последние—нет так они должны ждать, когда несколько пополнится состав книг, а в продолжение этого времени только приходить и смотреть на них, но никак не читать. Это—наши язвы на нашем теле и их приходится лечить в самом их первоначальном развитии.

В. Захаров

От редакции. Товарищ Захаров прав, что эти язвы, исходящие из правления союза, необходимо лечить в самом их первоначальном развитии.

но необходимо заметить, что такие язвы обыкновенно не лечат, а сразу же делают операцию им и с корнем вырезывают их из здорового организма. Необходимо теперь же распустить правление, как властную организацию, благодаря которой молодежь разбивается на два лагеря: на лагерь привелигированных и властвующих и на лагерь угнетаемых и подчиняющихся. Необходимо Юрииской молодежи построить свою организацию на анархических, т.-е. безвластных, началах и только тогда будут все равны и все будут приятелями и дорогими товарищами.

Козьмодемьянск, Нижег. губ.

Здесь организовался союз учащейся молодежи.

Мария Никифорова освобождена.

Дело Марии Никифоровой в Московском революционном трибунале.

На скамье подсудимых—худенькая женщина с тонкими чертами лица, и только в глазах выражение силы и решительности. Анархистка по партийной принадлежности, она в момент возникновения дела была начальницей рабоче-крестьянского отряда вольной боевой дружины, входившей в состав революционных войск под командованием тов. Антонова.

Обвиняемая—дочь офицера, прославившегося в турецкую войну, не окончила гимназии, с 16 лет работает в партии анархистов. В 1908 году за участие в террористическом акте (убийство исправника) была приговорена к двадцати годам каторги, бежала в Париж, там занималась скульптурой у Родена и также рисованием. Во время войны кончила в Париже военную школу и получила звание офицера. После февральской революции возвратилась на родную Украину с целью работать в революционном деле.

По заключению следственой власти во время контр-революционных выступлений в Елизаветграде и Александровске она действовала вызывающе по отношению к местным совдепам и своими распоряжениями дезорганизовала их работу, хотя сама действовала, как состоящая на платформе советской власти. По показаниям свидетелей, отряд Никифоровой производил во многих городах юга реквизиции продуктов без ведома Совета, вывозил оставленное гайдамаками оружие и пр. Вблизи Александровска она, помимо Совета, наложила на помещиков контрибуцию на крупную сумму, часть которой поднесла александровскому совдепу в виде подарка. Когда Совет протестовал против ее действий, она окружила здание Совета пулеметами. Она арестовала членов Исполкома, велела расстрелять одного воинского начальника и лично приговорила к расстрелу председателя елизаветградского Совета за неисполнение ее приказаний. Такие ее самочинные действия вызвали раздражение населения и елизаветградские рабочие, собравшись на митинг в количестве 5 тысяч человек, потребовали удаления отряда Никифоровой, угрожая в противном случае отряду артиллерийским огнем.

Мария Никифорова была арестована в Саратове, привезена в Москву и заключена в Бутырскую тюрьму, откуда была освобождена в сентябре на поруки члена Ц. И. К. анархиста Карелина и командующего войсками Антонова.

Ей ставится в вину вооруженное противодействие и дискредитирование советской власти, а также дезорганизаторская деятельность в деле обороны против внешних и внутренних врагов в опасный для революции момент.

Дело разбиралось 21-го и 23-го сего месяца под председательством тов. Свободина.

На суде выяснилось, что многие свидетели давали южной следственной комиссии свои показания по наслышке, другие сводили с Марией Никифоровой свои партийные счеты. Т.т. Карелин и Антонов дали о подсудимой благоприятный отзыв. Мария Никифорова принадлежала к партии анархистов 16 лет. За участие в убийстве исправника она была в 1908 году приговорена к 20-летней каторге, бежала в Париж и возвратилась после революции 1917 года, чтобы принять участие в революционной деятельности.

Обвинитель тов. Катаньян характеризует настоящее дело, как одну из страниц той трагедии, которая разыгралась на юге перед падением Советской власти. В тяжелое время те, кто выступал под маской защитников пролетариата, и белогвардейцы, и пособники немцев, и не бывшие на должной высоте советские сотрудники,—все создавали на юге против Советской власти один кулак, и под его ударами она пала. Тов. Катаньян не находит возможным считаться с показаниями тех свидетелей, которые путем опорочения Марии Никифоровой хотели свести с нею партийные счеты или прикрыть свои собственные позорные действия. Но, по его мнению, показания старых революционных членов Ц. И. К. Донской области заслуживают доверия. На основании их, он находит возможным обвинить Марию Никифорову в том, что при совершении реквизиции она не считалась с местной советской властью; по ее собственным словам, при арестах и расстрелах она руководилась исключительно личной точкой зрения. Такими действиями она, как и подобные ей совете не сотрудники, вызвала на юге разочарование в Советской власти; между тем, долг каждого истинного революционера заключался в том, чтобы в местной среде сложилось о Советской власти наилучшее представление,—тогда на юге после падения Советской власти быстро возродилось бы стремление к ее восстановлению.

Тов. Катаньян не находит Марию Никифорову виновной в бандитизме и грабежах и нахождение в ее вагоне серебряных вещей, об'ясняет тем, что их мог реквизировать кто-нибудь из членов ее отряда.

Тов. Антонов характеризует Никифорову, как неуравновешенного человека, почему она не могла руководить отрядом, а, наоборот, отряд руководил ею.

По заключению тов. Катаньяна в отношении Марии Никифоровой суд должен высказаться в том смысле, чтобы не дать ей возможности снова стать в ряды советских работников и своими самовольными действиями дезорганизовать Советскую власть. Особенно важно это в настоящий момент, когда на юге идут бои за идею этой власти.

Защитник М. Г. Гурьев подробно рассматривает показания свидетелей обвинения и доказывает, что, в сущности, эти показания не подтверждают фактов обвинения. Защитник особенно подчеркивает то обстоятельство, что первая следственная комиссия, назначенная на юге по делу Никифоровой, не признала ее виновной; обвинила ее лишь вторая комиссия, под председательством Пятакова, у которого с Никифоровой были личные счеты. Как начальница отряда, она могла производить реквизиции на нужды своего отряда. Елизаветградский Ревком, с председателем его во главе, относился враждебно к Никифоровой на почве политических дрязг и этим об'ясняется решение митинга рабочих удалить ее отряд из Елизаветграда. Первая следственная комиссия по делу Никифоровой нашла возможным оправдать ее, потому что обвинители ее—елизаветградские деятели—покинули город перед наступлением неприятеля, после чего город еще 5 недель находился во власти Советов. Слухи, на основании которых обвинена Никифорова, создали ей репутацию какой-то безудержной бандитки. Появились истерички, называвшиеся ее именем и совершавшие безобразные поступки. Защитник призывает Трибунал реабилитировать революционную честь его подзащитной.

В своем последнем слове подсудимая заявляет, что ей дорого революционное движение, и особенно революционная честь деятелей юга. Во всех своих действиях она руководилась лишь той идеей, что рабочие и крестьяне должны фактически, по возможности, скорее взять в свои руки все, что ими создано было на протяжении веков. Приравнивание ее действий к бандитизму равносильно обвинению в этом всего авангарда революционных деятелей юга.

Революционный Трибунал признал Марию Григорьевну Никифорову виновной: 1) в дискредитировании Советской власти своими поступками и действиями ее отряда в некоторых случаях; 2) в неподчинении некоторым советам на местах в сфере военных действий. Обвинение в грабежах и незаконномерных реквизициях Трибунал постановил считать недоказанным. Считая М. Никифорову виновной по двум пунктам Трибунал нашел ее заслуживающей снисхождения и приговорил к лишению права занимать ответственные посты в течение шести месяцев со дня приговора.

Аресты Анархистов.

Ковно. 18-го января (через Вильно). Орган германского штаба в Ковно „Найе-Цейт“ сообщает об аресте 14 анархистов, якобы решивших убить коменданта города. (РОСТА).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированный литературно-художественный пролетарский двухнедельник

„СИРЕНА“.

В журнале принимают участие: Анна Ахматова, Ю. Анисимов, Ю. Балтрушайтис, Андрей Белый, Александр Блок, Валерий Брюсов, Максим Горький, Сергей Есенин, В. Д. Замирайло, Анатолий Вашков, Николай Клюев, В. Л. Лидин, А. В. Луначарский, Дм. Митрохин, Ив. Новиков, П. Орешин, Б. Пильняк, Алексей Ремизов, И. Рукавишников, Сергей Чеханин, Вяч. Шишков и др.

Журнал издается по образцу лучших русских и иностранных еженедельников—в цветной обложке, с худ жеств. украшениями в тексте и с рисунками лучших художников на отдельных листах меловой бумаги.

Подписка принимается: в Воронеже—проспект Революции, 1-й Дом Советов, в Москве.—Мясницкая, 47.

Редакция: Воронеж, проспект Революции, 1-й Дом Советов—открыта ежедневно, кроме праздников, от 11—4 час. дня.

Редактор по делам редакции принимает по вторникам и четвергам от 1—2 час. дня. Тел. 9-50.

Цена отд. номера везде 2 руб. 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1919 Г.

(2-й год издания)

на еженедельную белорусскую политическую и общественно-литературную газету

„ДЗЯННИЦА“.

Орган Белорусского Национального Комиссариата и Московской Белорусской Секции Р. К. П. (большевиков), посвященный выяснению и защите нужд белорусских трудовых масс.

Подписная цена с доставкой и пересылкой: на год—17 р., на полгода—8 р. 50 к., на 3 месяца—4 р. 25 к., на 1 месяц—1 р. 80 к. Отдельный № в розничной продаже всюду — 50 коп. —

Адрес редакции и конторы: Москва, Пречистенский бульвар, 29, кв. 24.

Фонд журнала „Жизнь и Творчество Русской Молодежи“.

Поступило по подписным листам за №№ 8 и 9, выданным М. Черных:

от М. Черных	10 р.	— к.
„ Веры Шуевой-Черных	10 „	— „
„ Люды Гизлер	2 „	— „
„ П. Борушко	— „	50 „
„ Лизы Седюкиной	5 „	— „
„ Анны Шуевой	5 „	— „
„ П. Сидоращина	3 „	— „
„ А. Логинова	2 „	— „
Итого	37 р.	50 к.
От анархиста А. Острецова (Ярославль)	25 р.	— к.
Итого с преждепоступившими	410 р.	70 к.

Продолжается подписка на 1919 год.

На год—100 руб., на 6 мес.—55 руб., на 3 мес.—30 руб., на 1 мес.—10 руб. с доставкой. Подробности подписки и издания смотрите в № 16 журнала.

Редактор: Н. В. Марков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.